

*Культура. — 2002 —
19 — 25 сент. — с. 10*

Я поначалу боялась говорить

Новый фильм Киры Муратовой “Чеховские мотивы” без предварительного просмотра был принят в конкурс прошедшего МКФ. Просто потому, что это Муратова. В “Чеховских мотивах” ведущая муратовская актриса последних лет (“Астенический синдром”, “Три истории”, “Второстепенные люди”) Наталья БУЗЬКО предстала очаровательной невестой, которая любит своего избранника, когда вообще никто никого не любит. На улицах родной Одессы к звезде бесшабашных “Масок-шоу” Георгия Делиева и философичной Киры Муратовой подходят за автографами, приглашают выпить, пропускают без очереди, подвозят и денег не берут.

— Наташа, вы пришли к Кире Муратовой на картину “Астенический синдром”, будучи актрисой в “Масках-шоу”. Откуда в вас такой резкий контраст — самозабвенный юмор и трагедия, присутствующая во всех фильмах Муратовой?

— Контраст — во всем. Это норма. Фотография не может быть бесконтрастной, живопись, музыка... все в жизни построено на контрасте. И люди вполне органично существуют в такой полярности. В новом фильме Киры, в первой его части, нам рассказывают о семье, в которой люди по утрам молятся Богу, а потом орут на своих детей, пытаются их таким образом воспитывать, при этом не слыша их.

— Я знаю, у вас двое детей. Насколько хорошо вы их слышите?

— Думаю, что сейчас я слышу их гораздо лучше, чем раньше. К сожалению, я себя не отделяю от той общей тенденции в семье, которая показана в фильме. Я такая же, как все. У нас тоже дома беспокойно, хотя мне очень хочется обратного. Меня воспитывает старшая дочка Таня, которой скоро будет 16 лет. А Антоше почти три. Таня просто влюблена в Земфиру, настоя-

щий фан. И Антоша — тоже! В это трудно поверить, но ему было полтора года, когда однажды мы подошли к киоску с комиксами и Антоша сказал: “Купи Земфиру!” Они вместе поют эти песни, танцуют под них.

— А ваши фильмы они смотрят?

— Таня смотрит, она вообще “продвинутая” девочка, читает те же книги и смотрит те же фильмы, что и мы с мужем. Я с возрастом перестаю воспринимать какие-то сложные моменты, а она с удовольствием отслеживает все культовые фильмы.

— А вы для нее — культовая фигура?

— Я лично — нет. Абсолютно. Она вообще не относится ко мне как к актрисе.

— А Кира Муратова — культ?

— Также нет. Таня, конечно, смотрит Кирины фильмы, они ей нравятся, но в кино ее, скорее, привлекают актеры. Последнее увлечение — Джонни Депп. Она предпочитает авторское кино и про любовь. Романтика...

— А почему дочь не воспринимает вас как актрису?

— Она знает меня с другой стороны, как строгую, требовательную,

Н. Бужько

нудную маму. Мы с ней — либо мама с дочкой, либо подруги. Первое получается плохо, а второе держится на бесконечных разговорах о культуре, искусстве, кино, моде... Нам интересно друг с другом, но на бытовой почве — полное непонимание.

— У вас нет желания привести на съемки к Муратовой членов своей семьи, как это сделал Филипп Панов, исполнитель роли студента, мать которого в “Чеховских мотивах” сыграла его настоящая мама?

— Мы тоже втроем снимались: у мужа была небольшая роль, а у Тани эпизод “Хохочущая девушка”.

— Наташа, вы допущены, что называется, в ближний круг Киры Муратовой. Значит ли это, что ваши мировоззрения совпадают?

— Мне нравились ее фильмы до того, как мы познакомились. Не просто нравились, а очень-очень

очень нравились! И когда меня пригласили в группу, я сильно волновалась. Знаете, это было шоковое состояние. Наверное, было бы нескромно с моей стороны говорить о том, что наши мировоззрения совпадают, потому что она очень мудрая, очень умная женщина. И мне до нее еще расти и расти, и, может быть, я не успею этого сделать в этой жизни. Но что-то общее у нас, конечно, есть. Хотя, когда мы с ней разговариваем, я предпочитаю слушать.

— И, по сути дела, вы являетесь выразителем идей Киры Муратовой, воплощением ее мыслей. Как вы относитесь к этому своему качеству?

— Нормально: я — актриса, она — режиссер.

— То есть для вас существует только актерская задача, и на ней ваши отношения замыкаются?

— Просто я Кире полностью доверяю как режиссеру и как идеологу фильма. Бывают такие ситуации, когда тебе говорят: “Делай так и сделай эдак!”, а ты внутренне от этого корчишься. Но с Кирой я никогда подобного чувства не испытывала. Я верю ей настолько, что, если она просит что-то неудобное сделать, значит, так и должно. Она видит картину в целом. А я могу не увидеть.

— Но бывает так, что, работая с Муратовой, вы испытываете дискомфорт?

— Конечно. Но это естественно! Если и была картина, когда все произошло для меня удобно, то, наверное, слишком давно, и я о ней забыла. Во всяком случае, выполняя указания Киры, я чувствую себя органично, как бы “само собой”. Она мне помогает, объясняет. На-

пример, в картине “Второстепенные люди” было много моментов, которые очень тяжело мне давались. Но все мои сомнения — внутри, и человек так устроен, что, как бы он ни был собой недоволен, в конечном итоге он себя оправдывает. Часто, смотря на себя в той или иной роли, не могу понять — я это или не я... Однажды тибетского монаха спросили: почему некоторые уходят из монастыря? Он ответил: “Потому что, когда они становятся на путь, то на пути встречают себя, пугаются и уходят”.

— Кира Муратова всегда говорила, что любит чудаков и предпочитает работать именно с ними. Вы себя считаете чудачкой?

— Знаете, одновременно я себя считаю нормальной, где-то блеклой, а иногда спрашиваю у Тани: “Видно, что я совсем ненормальная, или не очень видно?”. Бывают моменты, когда я понимаю, что до нормы далеко. (Смеется.) И чем дальше, тем чаще. Я просто боюсь, что через несколько лет буду ходить с фиолетовыми волосами, в немислимых одеждах... И все-таки надеюсь, что этого не произойдет.

Во мне уже давно существует внутренняя тяга к эпатажу и состоянию панков... Но что-то меня еще сдерживает. Я стремлюсь к самоконтролю постоянно. Это очень сложная и вместе с тем нужная и важная внутренняя работа. Но совсем не значит, что себе ничего нельзя позволить. Я всегда не любила слово “маска”, поскольку, надевая ее, человек прячется и выдает себя за другого. Но сейчас думаю, что это вовсе не маска, но очередное выражение лица, очередное состояние...

— А насколько вам сложно существовать на съемочной пло-

щадке с непрофессиональными актерами, странными, непредсказуемыми и, может быть, нездоровыми людьми?

— Это может тоже настораживать, но мне как раз с ними проще и вообще хорошо. Я себя чувствую рядом с ними лучше, чем с обычными людьми, ведущими “нормальный” образ жизни. Не знаю, почему... Наверное, наши “языки” ближе, и мы понимаем друг друга.

— В “Масках-шоу” вы совершенно безмолвно создание — пантомима, мимика и жесты, а у Муратовой во “Второстепенных людях” вы не только заговорили, но и запели. Это слишком разные грани актерского проявления, не боялись ли вы того, что форма эксцентрики начнет подавлять драматическую форму?

— Нет, я просто поначалу боялась говорить. Это действительно два таких разных состояния — игра со словом и без слова. Конечно, артист должен уметь все. Но начинаешь говорить, и пропадает какая-то сила. Мимика и жесты — совершенно другой способ выражения энергии. А пением я занималась с преподавателем “для себя”, потому что всегда мечтала петь. Одно дело — петь в ванной, а другое — петь арии. Я всегда любила музыку, но когда стала ею серьезно заниматься, то открыла для себя огромный мир! Голос — очень сложный инструмент. Если можно управлять руками-ногами, когда что-то изображаешь или танцуешь, то голос сам по себе может “загудеть”. И мне просто стыдно за то, как звучит мой голос во “Второстепенных людях”, потому что я записывалась в студии первый раз в жизни, в этих огром-

ных наушниках, не слыша себя, не зная, как это делается, без репетиций. И на запись ушло всего полдня! Я очень недовольна собой. Но Кире понравилось, потому что моя героиня поет как раз “для себя”, а не на публику.

— Наташа, извините за этот вопрос, но нет ли у вас, одесситки, комплекса провинциалки, особенно при общении со столичными звездами?

— Нет, со звездами я нормально общаюсь... Бывают, конечно, моменты, когда чувствую себя провинциалкой, но это не отрицательный для меня аспект. Однажды я прочитала китайскую притчу. Мудрец, уезжая в далекую провинцию, приглашает к себе друзей, чтобы попрощаться. Друзья очень жалели, что такой ученый муж едет в глубинку: “Что же ты там будешь делать, в этой глуши?!” Он ответил: “Там же теперь буду я, значит, это место уже не будет провинцией!”. Понимаете? Этого достаточно. Важен наш внутренний мир, а не внешние атрибуты.

— И вам удается абстрагировать свой внутренний мир от окружения?

— Да! Когда я очень устаю, чувствую себя ужасно, то понимаю, что это происходит от внешнего давления на меня окружающего мира. Тогда я говорю себе: “Так! Дави! Дави, иначе раздавит тебя!”. И я нахожу в себе силы. Есть много фраз, которые по-настоящему помогают, их надо чаще вспоминать. Одна из них — “Не забудь, откуда ты вышел и куда ты идешь”.

— Откуда вы вышли и куда вы идете?

— (Смеется.) ...Я много думала об этом. Вчера повторяли передачу с академиком Лихачевым, он такие

глубокие философские вопросы разясняет. Потрясающе! Такой ясный ум... И на вопросы о религии, например, он отвечал, что задумался об этом, еще учась в школе. Каким бы сложным ни был вопрос, оказывалось, что уже в начале жизни Лихачев находил на него ответ, и потом, до старости, его мнение не менялось. Это касалось самого главного в жизни. А меня в детстве волновал вопрос: “С чего начинается Родина?” — была такая песня. Я была совсем маленькой и думала, что песня о том, как появилась Земля и на ней — жизнь. Все слушала остальные слова, думала, что там ответ, но никак не могла его найти. Спрашивала у мамы, она тоже не нашла в песне ответа. В общем, я подросла и начала собирать сведения об этом.

— И вам удалось обнаружить границу между Землей и Родиной?

— Ничего точнее я не нашла, кроме того, что в начале было Слово. Мне кажется, по-другому объяснить нельзя. Из массы гипотез я помню ту, что был водород, он взорвался и получилась Вселенная. Но когда мне говорят: “Ну как же! Семь дней создания, небо, земля, птицы...” Я считаю, что не нужно это воспринимать буквально. Нужно прочувствовать, понять без слов. Лихачев сказал, что в переводе с греческого “Логос” это не только “Слово”, как принято считать, но “Идея”. И если помедитировать, то понимаешь, что именно с Идеи все и началось.

Беседу вела
Арина АБРОСИМОВА
Фото
Ларисы КАМЫШЕВОЙ